

ВОКРУГ ИРАНА: ТРЕВОЖНО, И ЭТО НАДОЛГО

*Наша газета
05 ноября 2005 г.*

События вокруг Ирана станут главным сюжетом мировой политики ближайших месяцев: нанесут ли Соединенные Штаты военный удар по этой стране? Удается ли удерживать конфликт в дипломатическом русле? Или, может быть, удастся превратить вялые переговоры с Тегераном в конструктивный диалог и нащупать взаимоприемлемые развязки?

Но, какой бы из этих трех сценариев ни возобладал, иранская тема останется доминирующей в мировых политических новостях надолго. Не на месяцы - на годы. Потому что Иран – это именно тот ключевой игрок в нынешней системе международных отношений, от «окраски» которого в значительной степени будет зависеть не только региональная, но и глобальная расстановка сил. Кто будет контролировать Иран – будет способен контролировать многие важнейшие мировые процессы. Или же Иран по-прежнему останется вне контроля, неким «свободным радикалом».

Нравится это кому-то или нет, но нынешний Иран решительно входит в 21-й век со своей весомой заявкой на роль региональной сверхдержавы. На его стороне – не только огромные запасы нефти и еще более колоссальные запасы природного газа, не только уникальное геополитическое расположение «контролера» стратегически важного Ормузского пролива. Но его стороне – и относительная открытость общества и его высокая динамичность, особенно среди молодежи. Это общество в целом образованное, общество, внутренне подготовленное к переменам, к рывку, больше того, этого рывка жаждущее. Наконец, это общество, предрасположенное к развитию высоких технологий и уже имеющее для этого серьезную базу (атомная энергетика, которая у всех на слуху, – наиболее впечатляющий, но не единственный показатель высокого технологического уровня).

Размышляя об Иране, не стоит заикливаться на фигуре его президента. И даже не потому, что вообще-то он – лишь второе лицо в государстве, куда ниже по рангу духовного лидера аятоллы Хаменеи. Действительно, он не подарок – ни для тех мировых лидеров, которые искренне хотели бы видеть Иран сильным и самостоятельным игроком в международных делах, ни для самих иранцев. Пример Ахмади Нежада лишний раз показывает, что порой у демократии бывают серьезные издержки, ведь он – внешне избраный лидер (а, к слову, много ли других всенародно избранных лидеров насчитается в том же регионе?). И главная его проблема даже не в подчас неуместной внешнеполитической риторике, но в неспособности стать главным менеджером Ирана, - а именно этого Ирану, в предвкушении экономического и технологического рывка, сейчас остро не хватает. Своим неумением управлять страной Ахмади Нежад наносит экономике Ирана вред куда больший, чем все международные санкции, вместе взятые. Но, в конце концов, Ахмади Нежады приходят и уходят. Стратегический курс Ирана от таких перестановок радикально не изменится.

А этот стратегический курс направлен как раз на сохранение суверенитета, независимости своей страны в международных делах. И атомная программа Ирана – лишь один из элементов, подпирющих этот курс.

Действительно, в середине восьмидесятых годов прошлого века Иран всерьез стал интересоваться военной составляющей атомной программы. Проще говоря: его руководители задумались, а не обзавестись ли Ирану ядерным оружием. Только проходили эти размышления в совершенно иной геополитической обстановке: Иран был брошен всем миром один на один в войне с Ираком Саддама Хусейна, и Саддама тогда поддерживали, явно или тайно, все – от Соединенных Штатов до Советского Союза. Ирак применял оружие массового уничтожения (ОМУ) - химическое оружие – против Ирана. Все молчали. Вот вам и «борьба с распространением ОМУ»! Разве не логично, что Иран, увидев этот цинизм международного сообщества, задумался в тот момент, как же наилучшим образом обезопасить себя и свои интересы?

Но так ли далеко пошла подпольная военно-прикладная программа Ирана? Не уверен. У инспекторов Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) есть по этому поводу перечень вопросов к Тегерану, не на все из которых они получили вразумительные ответы. Чтобы добиться этих ответов, Совет безопасности ООН ввел, одну за другой, серию ограниченных санкций против Ирана, а также потребовал от Ирана приостановить программу обогащения урана на своей территории. Шаг разумный: раз Иран – участник Договора о нераспространении ядерного оружия, официально неядерный участник – был не вполне честен в прошлом, сегодня ему следует сначала дать исчерпывающие объяснения и «очиститься», а уж только после этого получить индульгенцию и возобновить свою законную мирную атомную программу – какой бы амбициозной она ни была.

Но это теория. А на практике, те, кто внимательно следят за иранской ядерной программой на протяжении нескольких лет, догадываются: именно в том и заключается стратегический курс Тегерана, чтобы довести свою мирную атомную программу до такой степени продвинутой, что ее можно будет в любой момент за считанные месяцы – при наличии политического решения! – переключить на военные рельсы... А можно и не переключить...

Вообще-то это называется на экспертном жаргоне «японский сценарий»: Япония имеет сегодня настолько продвинутой мирную ядерную программу, что способна переключить ее «на войну» и достичь серийного производства ядерных боеприпасов за пару месяцев. По этому же пути, скорее всего, идет и Бразилия. Другое дело, что ни Японии, ни Бразилии ядерное оружие для защиты их национальных интересов не требуется. По крайней мере, сейчас. А каким будет мир через двадцать лет – кто знает? Поэтому все опции должны быть открыты.

Вот на это и делает ставку Тегеран: оставить себе свободу маневра. Никому не позволить ограничивать его прав на развитие. «Мы можем судить о действиях той или иной страны, но как мы можем уверенно судить о ее намерениях? И – тем более – как мы можем ее судить за те намерения, которые мы сами ей приписываем?» - говорит мне один из главных знатоков иранской проблемы в МАГАТЭ.

И я с ним согласен. И согласен вдвойне, потому что «суд за намерения» вершит сейчас на Ираном не только и не столько Совет безопасности ООН, - последний аккуратно, взвешенно дает оценку конкретным шагам Ирана, прошлым и настоящим. Это Соединенные Штаты, которые под завесой резолюций СБ ООН хотели бы раз и навсегда избавить себя от «иранского синдрома»: там прошло больше четверти века, а там никак не утихнет унижение от пощечины, которую нанес революционный Иран, захватив в заложники сотрудников американского посольства. И зовут излечивать этот «синдром» те, кто уже хладнокровно рассчитал: без контроля над иранскими энергоресурсами и

транспортными коридорами энергетическую войну – войну всей первой половины 21-го века - Соединенные Штаты безнадежно проиграют. Даже и с подконтрольным Ираном, может быть, проиграют, - но тогда хоть можно еще побороться. А бороться придется, – и прежде всего с Китаем.

Понимая роль Ирана, президент России Владимир Путин просто не мог не поехать в Тегеран в октябре, каким бы жесточайшим не было на него давление прямо накануне этого визита.

Иран для России – серьезный стратегический партнер, пусть и партнер очень трудный. Поэтому Россия не может себе позволить бойкотировать, игнорировать Иран. Наоборот – будет стараться его активно вовлекать: и в орбиту двусторонних отношений, и в региональные проекты, и, со временем, в глобальные. И при этом, будучи одним из стражей духа и буквы Договора о нераспространении ядерного оружия, Россия не может допустить, чтобы кто-то этот Договор раскачивал, пусть и косвенно, - а иранские партнеры, как я уже говорил, мягко говоря, не всегда тут были честны и прозрачны, отчасти поэтому и нынешнюю позицию Ирана приходится подвергать «удвоенному сомнению».

Иными словами, России придется сейчас пройти между Сциллой и Харибдой. Как это сделать? Как следует вести себя России по поводу Ирана? И что российская позиция может означать для Европы? Об этом мы поговорим в следующий раз.

Владимир ОРЛОВ

**President,
Centre russe d'études politiques, Geneve
Editor-in-Chief,
Security Index journal**